

II.

Новеллы Декамерона написаны въ «благодарность» людямъ, которые когда-то соболѣзновали автору въ его любовныхъ не-взгодахъ¹⁾; Корбаччо также написанъ въ порывѣ признательности за милость, ниспосланную не по заслугамъ, а по благости Той, которая вымогила ее у пожелавшаго того-же, что и Она, то-есть спасенія заблудшаго. Корбаччо — дань благодарности, отчего авторъ призываешь помощь Господа, дабы его писаніе было во славу и похвалу его святѣйшаго имени и на пользу и утѣшеніе читающимъ.

Недавно сидѣлъ я одиноко въ своей комнатѣ, погруженный въ раздумье о неудачахъ моей плотской любви²⁾), такъ начинаетъ свой рассказъ Боккаччо; мысль о томъ, что женщина, которую я неразумно избралъ своей дамой, обращается со мною жестоко безъ вины съ моей стороны, заставила меня сѣтовать и вздыхать и проливать слезы негодованія и желать смерти, какъ выхода. Я уже рѣшился на то, когда меня объяли страхъ худшей участіи и состраданіе къ самому себѣ. Еще разъ вернулись слезы и новое желаніе смерти, а затѣмъ и размышленіе, посланное, думается мнѣ, свыше: Неразумный! Неужели ты не видишь, что ты самъ ожесточился на себя, не кто другой? Развѣ она принуждала тебя любить себя? Ты скажешь: она знаетъ, что я ее люблю, и потому должна бы полюбить меня. Но, можетъ быть, ты ея не нравишся; вини себя, что твой выборъ былъ плохъ. Но посмотримъ, что выйдетъ, если ты ожесточишься противъ себя, продолжаетъ испытующая мысль: все, что дѣлаетъ человѣкъ, совершаешь либо въ удовольствіе себѣ, либо въ угоду другому, либо себѣ и другимъ, или наоборотъ.—По этимъ рубрикамъ³⁾ разбирается положеніе поэта; заключеніе одно: надо

1) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 1.

2) Corbaccio, стр. 156: carnale amore.

3) Стр. 158—9.

отогнать отъ себя вождѣльшіе смерти, не лишать себя того, чего не пріобрѣль; не радуй своей смертью тѣхъ, кто тебя не любить, полюби жизнь и постарайся продлить ее. Кто знаетъ: можетъ быть, ты еще порадуешься участіи той, которая, по твоему мнѣнію, такъ обижаетъ тебя; не поживешь, не увидишь и мести. И такъ: живи и своей жизнью досади ей.

Чудно дѣйствуетъ божественное угѣшеніе на человѣческіе умы! говоритъ Боккаччо; мои глаза¹⁾ точно прозрѣли, я понялъ свое заблужденіе и плакалъ отъ стыда, порицая себя и придя къ сознанію, что я далеко хуже того, чѣмъ себя считалъ²⁾. Осушивъ слезы, я рѣшился оставить уединеніе, вредное для всякаго, болѣющаго духомъ, и вышелъ съ лицомъ спокойнымъ, на сколько позволило испытанное мною волненіе духа. Я искалъ общества и нашелъ таковое, полезное въ моемъ настроеніи. Оно собралось въ уютномъ мѣстѣ, и мы, по старому обычаю, принялись бесѣдоватъ о капризной измѣнчивости судьбы, о неразуміи полагающихся на нее. Затѣмъ перешли къ попросу о неизмѣнности природы, о чудесномъ и достойномъ хвалы порядкѣ ея явлений, не возбуждающемъ нашего удивленія потому только, что мы къ нему присмотрѣлись, какъ къ чему-то обычному; а далѣе запла рѣчъ о предметахъ божественныхъ, которые лишь крайними частицами доступны самымъ высшеннимъ умамъ, такъ они превышаютъ пониманіе смертныхъ. Бесѣды кончились съ наступленіемъ ночи, и я вернулся въ свою комнату, ободренный; поѣвъ умѣренно, я долгое время съ наслажденіемъ передумывалъ содержаніе бывшихъ между нами рѣчей, пока не обуялъ меня крѣпкій сонъ. Но враждебная мнѣ судьба³⁾ умудрилась досадить мнѣ и во снѣ, вызывавъ передъ недремлющей фантазіей различные образы.

Мнѣ казалось, что я иду по прекрасной тропѣ; мѣсто было

1) Стр. 160: occhi della mente = Purg. X, 122: la vista della mente.

2) I. c.: ch'io non arbitrava.

3) Стр. 161: mia nimica fortuna. Сл. т. I, стр. 79.

мнѣ незнакомое, но я какъ-будто и не желалъ узнать, гдѣ оно; мнѣ было пріятно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ пріятнѣе, точно въ концѣ пути меня ждала неизреченная радость. Такъ страстно было желаніе добраться до цѣли, что я бѣжалъ, казалось, у меня отросли крылья, и я летѣлъ. А между тѣмъ виды по пути стали другіе: вмѣсто зеленої травы и цвѣтовъ появились камни, крапива, волчецъ и репейникъ; темная мгла тумана гналась за мной, и обступивъ внезапно, остановила мой полетъ. Я не зналъ, гдѣ я, надежды пали; когда туманъ порѣдѣлъ, я увидалъ, въ наступившемъ уже мракѣ ночи, что я въ пустынномъ мѣстѣ, полномъ колючихъ растеній и пней, безъ тропы и дорогъ, кругомъ суро-выя горы, достигавшія, казалось, неба. Какъ я забрался сюда и какъ отсюда выйду—этого я не вѣдалъ; до меня доносились ревъ и мычанье дикихъ звѣрей. Печаль и страхъ обуяли меня, я чаялъ себѣ смерти и тихо сѣтовалъ, призывая Божью помошь, когда увидѣлъ мужа, медленно приближавшагося ко мнѣ съ восточной стороны. Онъ былъ высокаго роста, смуглый, волосы черные съ просѣдью, лѣтъ шестидесяти или болѣе, сухой и жилистый, не особенно красивый; на немъ была длинная, широкая одежда краснаго цвѣта, болѣе яркаго, чѣмъ въ какой красясть ткани наши мастера. Его видъ нагналъ на меня и страхъ и надежду: быть можетъ, онъ хозяинъ въ этой мѣстности и накажетъ меня за мое вторженіе, напустивъ на меня дикихъ звѣрей; съ другой стороны онъ показался мнѣ полнымъ благости; я какъ-будто видѣлъ его, только не здѣсь; если въ немъ есть искра состра-данія¹⁾, онъ покажетъ мнѣ, какъ отсюда выбраться. Когда онъ подошелъ ближе, я припомнилъ, гдѣ его видѣлъ, искалъ лишь въ памяти, какъ его звать, когда, окликнувъ меня моимъ именемъ, онъ спросилъ ласково: Какая злая судьба, какая лихая доля завела тебя въ эту пустыню? Куда дѣлось твое благора-зуміе? Если ты такъ-же разсудителенъ, какимъ бывалъ²⁾, ты

1) Стр. 164: *spirto di pietà alcuno* = Inf. XIII, 36.

2) Стр. 165: *quanto solevi*.

долженъ бытъ-бы знать, что это — юдоль тѣлесной смерти, хуже того — гибель души. — Услышавъ эти слова, отзывавшіяся состраданіемъ ко мнѣ, я заплакалъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, не безъ стыда, прерывающимъ голосомъ: Ложное увлеченіе бренностью привело¹⁾ меня сюда, какъ я полагаю; многихъ, болѣе мудрыхъ, чѣмъ я, оно доводило до не меньшей гибели; но если ты явился сюда по божественному милосердію, не по моимъ заслугамъ, молю тебя во имя общей родины, именемъ Бога, сжался надо мною и скажи, какъ мнѣ выйти изъ этого мѣста, полнаго такого трепета. — Казалось, онъ улыбнулся на мои рѣчи и отвѣчалъ: Твоѳ присутствіе здѣсь, твои слова показываютъ ясно (еслибъ я не зналъ того инымъ путемъ), что ты въ самомъ дѣлѣ лишился ума, и еще находишься въ живыхъ. Если бы ты вѣдалъ, чьи очи навели тебя на этотъ путь, не осмѣлился бы просить меня о своемъ спасеніи, ибо будь я еще тѣмъ, чѣмъ былъ, я не подалъ бы тебѣ помощи, а нанесъ бы позоръ и ущербъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ той жизнью, мой гнѣвъ смѣнился на милость. — При этихъ словахъ холодъ пробѣжалъ по моимъ членамъ, волосы стали дыбомъ и отнялся голость; такъ часто бываетъ во снѣ, что хочется бѣжать отъ опасности, и не можешь, точно оцепенѣли ноги; какъ я тогда не проснулся, не знаю. А призракъ сказалъ мнѣ, смѣясь: Не бойся, я явился сюда не затѣмъ, чтобы учинить тебѣ зло, а чтобы извлечь тебя отсюда. — Я сталъ молить его сдѣлать это поскорѣе. — На это нужно время, отвѣчалъ онъ, ибо если доступъ сюда свободенъ всякому, руководимому любострастiemъ и неразуміемъ, выйти отсюда не такъ-то легко, на это надо разсудительность и твердость и помочь Того, по чьей волѣ ты вступилъ сюда. — Такъ какъ у насъ есть время для бесѣды, я хотѣлъ бы предложить тебѣ два вопроса, одинаково напрашивавшихся на первую очередь: что это за мѣсто, дано-ли оно тебѣ въ обитель и можетъ-ли всякий, сюда

1) Стр. 165: il falso piacere delle caduche cose = Purg. XXII, 34—5.

вашедшій, выйти отсюда самъ собою? Кто послалъ тебя мнѣ на помощь? — Мѣсто это зовутъ разно, но одинаково удачно, отвѣчаль призракъ: одни Лабиринтомъ Любви, другіе Очарованной долиной, Хлѣвомъ Венеры, Юдолю вздоховъ и печали. Оно не дано мнѣ въ обитель, смерть лишила меня возможности вступить въ нее; моя обитель не менѣе сурова, но въ ней менѣе опасности, а кто по своему неразумію забредетъ въ эту, не выйдетъ изъ нея безъ божественаго просвѣщенія. — Да поможетъ тебѣ Тотъ, кто все можетъ¹⁾; но объясни мнѣ, гдѣ ты обрѣтаешься? — Я нахожусь въ области, гдѣ чаю себѣ несомнѣннаго спасенія, продолжалъ онъ въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ ней опасности менѣе, ибо нѣть возможности грѣшить, но страданія на столько больше, что нась поддерживаетъ лишь надежда на лучшую жизнь, иначе, кажется, бессмертные духи умерли бы. А чтобы дать тебѣ понять это отчасти, знай, что моя одежда, цвѣтъ которой, по вавшему мнѣнію, присталь лишь лицамъ, отличеннымъ особымъ почетомъ, не изъ рукотворной ткани, а сдѣлана божественнымъ искусствомъ изъ огня, столь палящаго, что, въ сравненіи съ нимъ, вашъ огонь — холодный ледъ. Онъ сосеть мои соки съ такой силой, что всѣ ваши рѣки не утолили бы моей жажды. Это мнѣ кара за мое ненасытное любостяжаніе и недостойную терпѣливость, съ которой я переносилъ преступныя и нечестивыя нравы той, которую лучше было бы тебѣ никогда не видѣть, какъ ты самъ говоришь²⁾. Отвѣчая на твой второй вопросъ, скажу, что явился я по волѣ и велѣнію безконечнаго Бога, Творца всего сущаго, которымъ все живетъ, который печется о нашемъ покоѣ и спасеніи болѣе, чѣмъ мы сами.

При этихъ словахъ мною овладѣло глубокое смиреніе передъ величиемъ, всемогуществомъ и благостью Господа, и вмѣстѣ сознаніе моей низости, бренности, неблагодарности и великихъ

1) Стр. 168: *colui che può*; сл. стр. 172: *che può quello che vuole* = Par. IV, 117, Inf. X, 126.

2) Стр. 169: *della qual tu vorresti d'aver veduta esser digiuno*; сл. Inf. XXVIII, 87.

прегрѣшений. Такъ сильно было мое раскаяніе, что не только глаза увлажнились слезами, но, казалось, самое сердце таяло, какъ снѣгъ на солнцѣ. Чувствуя свою неспособность воздать благодарность за такія милости, я молчалъ, и призракъ, должно быть, понялъ, какая тому причина. Знаю я, блаженный духъ, началь я по нѣкоторомъ времени, и моя совѣсть говоритъ мнѣ, что все сказанное тобой—истина; но я еще мѣряю божественную благость земною мѣркой, и чудно мнѣ, что я такъ много оскорбилъ Его, а Онъ приходитъ мнѣ на помощь.—Ты говоришь, какъ человѣкъ, не знающій, какова божественная благость, полагая, что дѣйствуетъ она, какъ дѣйствуете вы, не находящіе покоя, пока не воздадите за всяку малѣйшую обиду. Но, я вижу, тебя постыдило раскаяніе и ты стала доступнѣе и послушнѣе грядущимъ наставленіямъ, потому я открою тебѣ одну изъ причинъ, побудившихъ божественную благость послать меня тебѣ на помощь: не человѣческій, а ангельскій гласъ повѣдалъ мнѣ, что, какова бы впрочемъ ни была твоя жизнь, ты всегда особо чтилъ и благоговѣйно памятали Ту, которая носила во чревѣ своемъ наше Спасеніе, Живой Источникъ Милосердія, Матерь благости и состраданія, и на нее возлагалъ свою твердую надежду. Увидѣвъ тебя заблудшимъ въ этой долинѣ, Она, не ожидая твоей просьбы, умоляла Сына своего о твоемъ спасеніи—и я явился по Его волѣ и уйду не ранѣе, какъ освободивъ тебя.

Твои отвѣты меня удовлетворили, сказалъ я духу, и хотя возмездіе Господа состоять въ томъ, чтобы вновь сдѣлать тебя прекраснымъ¹⁾ Ему въ угоду, я все-же сострадаю тебѣ и желалъ бы, по возможности, облегчить твою участіе. Я радъ, что ты не низвергнутъ въ адъ, а готовишься, отбывъ покаяніе, возврати въ царство славы. Я знаю, каковы благодать и милость Божіи, испыталъ ихъ во многихъ опасныхъ случаяхъ, хотя продолжалъ коснѣть въ неблагодарности, но я усердно молю Его, могу-

1) Стр. 172: *di nuovo rifarti bello.* Сл. Parg. II, 75, XVI, 82.

шаго содѣлать все, что пожелаетъ, дабы Онъ, не разъ спасавшій меня отъ вѣчной смерти, направилъ и укрѣпилъ мои шаги на стезѣ вѣчной жизни. Но скажи мнѣ: кто здѣсь обитаетъ? Не тѣ-ли, которыхъ Амуръ сослали сюда, изгнавъ изъ своего двора, или одни звѣри, ревъ которыхъ я слышалъ въ теченіе всей ночи? — Вижу я, что свѣтъ истины еще не осѣнилъ тебя, и ты еще почитаешь высшимъ блаженствомъ наибольшее бѣдствіе, полагая, что въ вашей плотской любви есть нѣчто благое. Но прислушайся къ моимъ словамъ:

Эта печальная долина и есть Дворъ Амура, какъ ты его называешь, тѣ звѣри — несчастные, подобно тебѣ попавшіе въ его сѣти; ихъ то голоса, когда они толкуютъ о любви, и звучать, какъ ревъ въ ушахъ разумныхъ людей. Я назвалъ эту долину Лабиринтомъ и удивляюсь, почему ты объ томъ спрашивашь, ибо, сколько мнѣ извѣстно, самъ ты бывалъ здѣсь не разъ, хотя и не въ такой тяготѣ, какъ теперь. — Я позналъ, что онъ говорилъ правду, и точно каясь въ своей винѣ и придя въ сознаніе, отвѣчалъ: Да, я дѣйствительно часто бывалъ здѣсь, и съ большой удачей, какъ казалось отягченному плотью уму; помню, что выбирался я отсюда разными способами, не столько собственнымъ умомъ, сколько по милости другихъ, но печаль и страхъ отбили у меня память, точно я здѣсь никогда и не бывалъ. Теперь я понимаю, что дѣлаетъ людей звѣрями, что означаетъ дикость этой долины и ея названія и отсутствіе дорогъ и тропинокъ. — Такъ какъ твой умственный мракъ начинаетъ разсѣваться и удаляется былой страхъ, я хочу побесѣдоватъ съ тобою, стоя, ибо сѣсть негдѣ, сказалъ духъ. Я знаю, да то доказываютъ и твои слова и твое пребываніе здѣсь, что ты глубоко завязъ въ когтяхъ Амура; отъ меня не скрыто, кто тому причиной: помнишь, что я сказалъ о той, которую лучше было бы тебѣ не видѣть? ¹⁾). Но повѣдай мнѣ, какъ попалъ ты въ ея сѣти, расскажи, не стыдись, какъ будто бы я былъ ей чужимъ человѣкомъ, хотя когда-то она была мнѣ дороже, чѣмъ слѣдовало.

1) Стр. 174: *la qual tu vorresti d'aver veduta essere digiuno.*

Отогнавъ стыдъ я отвѣчалъ: Твоя просьба побуждаетъ меня повѣдать тебѣ то, что я открылъ одному лишь вѣрному товарищу, и ей самой въ письмахъ. Да и безъ твоего ободренія мнѣ нечего было бы стыдиться, а тебѣ гнѣваться, потому что по твоей кончинѣ она и по каноническимъ законамъ стала не твоей, а свободной. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ случилось мнѣ, на мое несчастье, бесѣдовать съ твоимъ сосѣдомъ и родственникомъ, котораго нечего называть. Переходя отъ одного предмета къ другому, дошли мы и до вопроса о красивыхъ женщинахъ, начиная отъ древнихъ и до современныхъ, изъ которыхъ пришлось похвалить немногихъ; тѣмъ не менѣе, перечисляя нѣкоторыхъ изъ нашихъ горожанокъ, мой товарищъ упомянулъ и ту, которая когда то была твоей и которую я дотолѣ не зналъ, и рассказалъ о ней чудеса: у нея великодушіе и щедрость Александра, природнымъ умомъ она превосходитъ всѣхъ женщинъ, краснорѣчива, какъ любой изысканный, изощрившійся риторъ, къ тому-же прелестна и мила и полна всѣхъ качествъ, присущихъ благородной дамѣ.— Сознаюсь, что слушая его разсказъ, я почиталъ счастливцемъ того, кому она достанется въ удѣль и, почти рѣшившись попытать своего счастія, разспросилъ обѣ ея имени и родѣ¹⁾ и гдѣ она живетъ — не тамъ, гдѣ ты ее оставилъ. Разставшись съ пріятелемъ и не мѣшкая долго, я отправился въ одно мѣсто, гдѣ могъ разсчитывать увидѣть ее, и такъ благопріятствовала мнѣ судьба, милостивая ко мнѣ во всемъ мнѣ неполезномъ, что мое желаніе осуществилось. Удивительное дѣло: я зналъ одно, что она одѣта въ черномъ, но лишь только увидѣлъ ее, какъ догадался, что это она. Такъ какъ я всегда былъ убѣжденъ, что открытая любовь либо полна невзгодъ, либо не доведеть до желанной цѣли, я рѣшился не открываться никому (лишь впослѣдствіи своему другу) и не осмѣливался спросить — она ли это. Но и здѣсь помогла судьба: какая-то дама сзади меня сказала другой: Посмотри-ка, какъ идутъ къ такой-то бѣлые повязки на

1) Стр. 176: gentilezza.

черномъ платьѣ; я услышаѣ и ея имя. Я не солгу, что разгля-
дѣвъ ее, я нашелъ, что разсказанное о ней не только вѣрно, но
и ниже дѣйствительности, и какъ огонь, охвативъ маслянистую
поверхность ¹⁾, спускается затѣмъ во внутренность предмета,
такъ мое лицо зардѣлось, а когда прошли внѣшніе знаки смущенія,
я почувствовалъ любовное пламя въ сердцѣ ²⁾.

Духъ внималъ этому рассказу, казалось, не безъ удоволь-
ствія. Ты повѣдалъ мнѣ, какъ ты самъ наложилъ себѣ цѣпи на
шею, продолжалъ онъ; но скажи же мнѣ: открылся ли ты ей
въ любви, подала-ли она тебѣ какую-нибудь надежду? — Я рѣ-
шился написать ей: или она склонится къ моей любви, думалось
мнѣ, и отвѣтить, или она оѣнитъ ее, но не склонясь, благора-
зумно устранить мои надежды. На это письмо я получилъ запи-
сочку, очень неумѣло написанную, точно въ стихахъ, только одна
стопа была длиннее другой. Спрашивали, кто я такой, обнару-
живали знакомство съ однимъ философскимъ, хотя и ложнымъ
ученіемъ, вынесенными, навѣрно, изъ проповѣди, не изъ книги
и не изъ школы: будто душа одного человѣка переходитъ въ
другого; говорилось, что ей нравятся мужчины, соединяющіе
умъ съ мужествомъ, услужливость и обходительность ³⁾ съ bla-
городствомъ. Изъ всего этого я понялъ, что говорившій мнѣ о
ней либо самъ обманулся на счетъ ея природнаго ума, либо меня
хотѣлъ обмануть. Не смотря на это моя любовь не уголилась,
мнѣ показалось даже, что и письмо написано, чтобы ободрить
меня къ дальнѣйшимъ посланіямъ, обнадежить и поощрить къ
работѣ надъ собой, чтобъ ей понравиться. И я рѣшился на это,
хотя никакихъ требуемыхъ качествъ за мной не было. Я на-
писалъ ей еще разъ, но никакого отвѣта не получилъ. — Что-же
побудило тебя вчера плакать и желать смерти? спросилъ меня
духъ. — Объ этомъ лучше было бы умолчать ⁴⁾; во первыхъ,

1) Стр. 177; сл. выше т. I, стр. 184, прим. 2; стр. 504.

2) Стр. 177—8.

3) Стр. 179: cortesia.

4) Il tacere sarebbe piÙ onesto. См. Purg. XVI, 45.

сознаніе, что я сталъ неразумнымъ животнымъ и, потративъ большую часть жизни па то, чтобы чему нибудь научиться, въ минуту нужды оказался неучемъ; во вторыхъ ея стараніе разгласить всюду о моей любви къ ней. Въ первомъ отношеніи я не могу себѣ простить, что такъ легко довѣрился розсказнямъ о высокихъ качествахъ женщины и неосмотрительно позволилъ себѣ угодить въ сѣти любви, поступившись свободой и разумомъ. Что до второго, то здѣсь она виновна во многомъ, ибо влюбившись въ нѣкоего господина, котораго сосѣди зовутъ Авессаломомъ, чѣмъ онъ себя и считаетъ, не будучи таковыми, она, желая привязать его къ себѣ, показала ему мое письмо, и оба глумились надо мной, а онъ сдѣлалъ меня посмѣшищемъ, рассказывая обо мнѣ, что ему вздумается; онъ-же внушилъ и ея письмо ко мнѣ. Самъ я видѣлъ собственными глазами, какъ она, хихикая, показывала на меня другимъ, вѣроятно, приговаривая: Посмотрите-ка, каковъ дуракъ? Это мой ухаживатель, какъ мнѣ не быть счастливой! Такъ говорила она нѣкоторымъ женщинамъ, про честность которыхъ я, да и другіе кое-что знаемъ. Что за непристойное и постыдное дѣло, что на человѣка, не скажу благороднаго, ибо таковыми я себя не считаю, но выросшаго среди достойныхъ людей, постоянно водившагося съ ними, довольно также, если и не въ совершенствѣ, знающаго свѣтъ¹⁾—на этого-то человѣка женщина указываетъ взглядомъ и пальцемъ, точно на какого-то сумашедшаго! Признаюсь, это привело меня въ такое негодованіе, что нѣсколько разъ у меня являлась мысль прибѣгнуть къ словамъ, которые были не къ ея чести, но искорка разума, оставшаяся во мнѣ, доказывала, что это было бы большишъ позоромъ мнѣ, чѣмъ ей; я воздержался и пришелъ въ порывѣ гнѣва къ знакомому тебѣ неистовому рѣшенію²⁾.

Выслушавъ меня, духъ что то говорилъ про себя, какъ бы размышиля. Хочется мнѣ потолковать съ тобою обстоятельнѣе, началь онъ снова, на пользу твою и другихъ, во первыхъ

1) Стр. 181.

2) Стр. 182: disordinato appetito.

о тебе самомъ, во вторыхъ о ней, а наконецъ и о причинахъ, доведшихъ тебя до такого отчаянія. Начну съ тебя. Тебя слѣдуетъ попрекнуть за многое, но я коснусь только твоихъ лѣтъ и занятій. Если не обманываютъ меня твои побѣльшіе виски и сѣдая борода, ты лѣтъ сорокъ, какъ вышелъ изъ пеленокъ, и двадцать пять, какъ позналъ свѣтъ¹⁾. Если долгій любовный искусть юношескихъ лѣтъ не научилъ тебя, то приближающаяся старость, умѣряющая пылъ, должна была-бы открыть тебѣ глаза, куда можетъ повергнуть тебя эта неразумная страсть и хватить-ли у тебя силъ подняться. Ты понялъ-бы, что въ дѣлахъ любви женщины предпочитаютъ молодыхъ людей тѣмъ, кто клонится къ старости, и что даже юношамъ не пристало то глупое ухаживаніе, которое женщинамъ такъ нравится. Прилично-ли тебѣ теперь плясать и пѣть и выходить на турниры?²⁾, бѣгать по ночамъ, переодѣваться и прятаться, когда и гдѣ захочетъ твоя милая, можетъ быть, съ той лишь цѣлью, чтобы похвастаться, что она увлекла человѣка зрелага? Все это тебѣ не по лѣтамъ, тебѣ подобало бы не поддаваться страстямъ, а подавлять ихъ, наставляя юношей благими дѣлами, которые увеличили бы твою славу. — Но перейду къ вопросу о твоихъ занятіяхъ: сколько мнѣ известно, ты никогда не учился ремеслу, всегда ненавидѣлъ торговое дѣло, и даже хвалился этимъ, принимая въ разсчетъ свои дарованія³⁾ и малую склонность къ занятіямъ, въ которыхъ иные старѣются, юнѣя умомъ⁴⁾). Съ малыхъ лѣтъ ты отдался, болѣе, чѣмъ желалъ того отецъ, священной философіи, особенно поэзіи, въ которой, быть можетъ, ты проявилъ болѣе страстнаго желанія, чѣмъ высоты пониманія⁵⁾. Она то и должна была бы научить тебя, что такое любовь и женщины, что такое ты самъ и что тебѣ прилично. Любовь — это страсть, ослѣпляющая умъ, сбивающая дарование (*ingegno*) съ пути,

1) Стр. 188: *li costumi del mondo.*

2) Сл. Дек. VIII, 7 = пер. I, стр. 151—2.

3) *Ingegno.*

4) Стр. 184—5.

5) Стр. 185: *altezza d'ingegno.*

ослабляющая память, расточающая достатокъ, истощающая тѣлесныя силы, врагъ юности и старости, родоначальница пороковъ, обитающая въ пустыхъ сердцахъ; нѣчто неразумное, не-порядочное и непостоянное, что поражаетъ нездоровые умы и лишаетъ человѣка свободы. Перебери древнія повѣсти и современность, и ты увидишь, сколько зла произошло отъ того, кого ты вмѣстѣ съ другими называешь богомъ, величая его, оскорбляя тѣмъ Господа, нанося вредъ своимъ занятіямъ и себѣ самому. Если бы твоя философія не показывала тебѣ всего этого, долженъ былъ-бы показать собственный опытъ — и древнее изображеніе крылатаго, обнаженнаго Амура-стрѣлка, съ повязкою на глазахъ. Но твои занятія могли научить тебя, кроме того, что такое женщина: женщина — это несовершенное животное, исполненное тысячию отвратительныхъ страстей; еслибы мужчины были разумны, они приближались бы къ нимъ не иначе, какъ къ совершеннюю нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ природныхъ отправлений, отбывъ которыхъ, человѣкъ спѣшилъ удалиться; въ этомъ отношеніи звѣри разумнѣе его. Нѣть животнаго болѣе грязнаго; это онѣ сами отлично знаютъ, считая скотомъ всякого, питающаго къ нимъ вождѣніе. Но говорить объ этомъ подробно не хватило бы года — а мы наканунѣ новаго. Полныя лукавства¹⁾, онѣ старайтся всѣми силами выйти изъ своего низменнаго положенія²⁾ и стать наѣльшими, уловляя нашу свободу въ сѣти своей красоты, которую умножаютъ различными способами, притираньями и красками, порой обращая дѣйствіемъ сѣры, искусственныхъ водъ и солнечныхъ лучей черные волосы въ золотистые, то заплетая ихъ въ косу, то распуская по плечамъ, то собирая на головѣ, лишь бы къ лицу; прельщая то пѣньемъ, то пляскою. Такимъ-то образомъ онѣ становятся женами многихъ и любовницами еще большаго числа, и, возмечтавъ, начинаютъ стремиться къ власти, хотя знать, что рождены рабынями. Притворяясь кроткими и ласковыми, они выспрашиваютъ у мужей платья и украшенія,

1) Стр. 187: *malizia*.

2) Стр. 187: *infima e bassa condizione*.

и тѣ сами даютъ имъ въ руки оружіе противъ себя. Ставъ изъ рабынь подругами, онѣ всѣми способами сілятся захватить власть, разсчитывая, что если имъ спустятъ то, чего не дозволять слугамъ, онѣ въ самомъ дѣлѣ — хозяйки. И вотъ онѣ начинаютъ рядиться; нѣть той нескромной моды, введенной къ намъ публичными женщинами, которую-бы онѣ не переняли. Въ домѣ отъ нихъ нѣть житья, какъ то знаютъ всѣ, то испытавшіе: точно голодныя волчицы, зіающія на мужчино добро, онѣ постоянно бранятся съ прислугой и родней, будто охраняя то, что въ сущности расточаютъ¹⁾). Ночью тѣ-же распри, на супружескомъ ложѣ никогда не спится. Вижу я, ты меня не любишь, говорить одна, другая у тебя на сердцѣ²⁾; я не слѣпая, у меня лучшіе развѣдчики, чѣмъ ты полагаешь. Бѣдная я! Сколько времени я съ тобой, а не разу еще не слышала, когда ложусь, чтобы ты сказалъ: Добро пожаловать, моя радость! Но клянусь Богомъ, я еще устрою тебѣ то-же, что ты строишь мнѣ. Развѣ я ужъ такъ подурнѣла, не красива, какъ такая-то? Знаешь-ли что? Кто двоихъ цѣлуєтъ, тому одна навѣрно опротивѣла. Пойди прочь, меня ты не коснешься, ступай къ той, кому ты ровня, потому что меня ты не достоинъ. Посмотри-ка, на что ты самъ похожъ! Надо это прикончить. Не изъ грязи-же ты меня поднялъ; сколько было такихъ, которые взяли-бы меня и безъ приданаго, и я была бы хозяйствкой, а тебѣ я принесла столько-то сотъ флориновъ и стаканомъ воды не могла располагать безъ ворчанья твоихъ братьевъ и слугъ. Пусть отсохнетъ нога у того, кто связалъ меня съ тобой! — Такъ мучаются они бѣдняковъ; кто прогонить изъ-за нихъ отца или сына, кто отдѣлится отъ братьевъ. Добившись своего, онѣ всю заботу обращаютъ на сводень и любовниковъ. Самая цѣломудренная изъ нихъ пред-

1) Стр. 188; см. Iuv. sat. VI, 510: *amicos conjugis odit Et servos, gravis est rationibus.*

2) Стр. 189; см. Iuv. ib. v. 268: *Semper habet lites alternaque iurgia lectus, In quo nupta iacet; minime dormitur in illo. Quum gravis illa viro.... Aut odit pueros aut facta pellice plorat Uberibus semper lacrimis semperque paratis.*

почла бы остатся скорѣе при одномъ глазѣ, чѣмъ при одномъ любовникѣ¹⁾). Ихъ сладострастіе не знаетъ мѣры и выбора: слуга, крестьянинъ, мельникъ или зеіопъ — все равно²⁾; бывали такія, что возвращались усталыя, не удовлетворенные, изъ публичнаго дома³⁾. Онѣ представляются робкими, боязливыми, когда приходится исполнять благовидныя требованія мужа⁴⁾, на высотѣ у нихъ кружится голова, моря онѣ не выносятъ⁵⁾, ночью боятся привидѣній; шорохъ крысы, стукъ окна, паденіе камня заставляетъ ихъ сомнѣть; но когда дѣло идетъ объ ихъ нечестныхъ дѣлахъ, онѣ храбры духомъ⁶⁾: пробираются къ своимъ мыльямъ по крышамъ, прячутъ ихъ въ сундукахъ, принимаютъ на ложѣ при мужьяхъ, чтѣ хуже, забавляются съ любовникомъ въ присутствіи супруга. А сколько бываетъ выкидышей, покинутыхъ дѣтей, сколько ихъ убиваютъ?⁷⁾. — Какъ всѣ, обыкніе творить злое, ожидаютъ того-же и отъ другихъ, женщины подозрительны, потому онѣ и водятся съ звѣздочетами, некромантами, захарками и вѣщуньями, которые кормятъ ихъ баснями⁸⁾; не удовлетворенные ими, онѣ начинаютъ приставать за разъясненіями къ мужьямъ, но рѣдко имъ вѣрятъ и приходятъ въ неописанный гнѣвъ. Тигры, львы и змѣи человѣчнѣе ихъ, нѣтъ пощады ни другу, ни брату, ни отцу, ни мужу, и ядъ и поджогъ и мечъ

1) Стр. 190; см. Iuv. I. c. 53: *Unus Hiberinae vir sufficit? Ocius illud Extortus quebis, ut haec oculo contenta sit uno.*

2) Стр. 190; см. Iuv. ib. 331: *Si nihil est, servis incurritur; abstuleris spem Servorum, veniet conductus aquarius* и т. д.

3) Стр. 190; см. Iuv. Ib. 116 *Dormire virum quum senserat uxor.... Intravit calidum veteri centone lupanar.... Et lassata viris nec dum satiata recessit.*

4) Стр. 190; *quantunque la cagion fosse onesta.*

5) Стр. 190: см. Iuv. ib. 94: *Justa pericli Si ratio est et honesta, timent pavidoque gelantur pectore.... Si jubeat conjux, durum est conscendere navem: Tunc sentina gravis, tunc summus vertitur aer.*

6) Iuv. ib. 100: *Quae moechum sequitur, stomacho valet.*

7) Стр. 191; см. Iuv. ib. 595: *Tantum artes huius, tantum medicamina possunt Quae steriles facit atque homines in ventre necandos Conducit* и т. д.

8) Стр. 192; см. Iuv. ib. 558: *Chaldaeis sed maior erit fiducia: quiquid Dixerit astrologus, credent a fonte relatum Hammonis.* См. Andr. Capellani, *De Amore*, I. III, c. 355.

тотчасъ же идуть въ ходъ. Нѣть болѣшаго чуда, какъ то, что Господь ихъ терпить! — Къ тому же все это отродье страшно любостяжательно: онѣ обираютъ мужей, своихъ собственныхъ дѣтей¹⁾, которыхъ опекаютъ, любовниковъ, къ которымъ равнодушны, и не задумаются выйти за богатаго старика, слюняваго, разбитаго, беззубаго, въ надеждѣ скоро овдовѣть²⁾). Если годы позволяютъ ему имѣть потомство, тѣмъ лучше, иначе дѣти явятся, хотя бы и подставныя, чтобы вдовѣ можно было благодѣтельствовать на счетъ опекаемаго. — Вѣтранныя и непостоянныя во всемъ, кромѣ сладострастія, полныя самомнѣнія, онѣ упрямы и непокорны. Если богатая женщина невыносима³⁾, то нѣть ничего непріятнѣе бѣдной, когда она строптива. Онѣ послушны лишь тогда, когда добиваются нарядовъ и объятій, во всѣхъ другихъ случаяхъ вмѣняютъ послушаніе въ знакъ рабства. — Болтливы онѣ до надоечности; бѣдные ученые претерпѣваютъ холодъ и голодъ, проводятъ безсонныя ночи и убѣждаются послѣ многихъ лѣтъ, что мало чему научились; женщиныамъ стоять простоять въ церкви обѣдню, и онѣ уже знаютъ, какъ вращается твердь, сколько и какихъ звѣздъ на небѣ, какъ происходитъ громъ и молнія и градъ, что дѣлается въ Индії или Испаніи, откуда выходитъ Ниль; съ кѣмъ спала ея сосѣдка, отъ кого другая беременна, и сколько той курица несетъ въ годъ яицъ. Однимъ словомъ имъ вѣдомо все, что когда-либо совершили троянцы, греки и римляне, и, если не найдется другихъ слушателей, онѣ болтаютъ о томъ съ служанкой, булочницей или прачкой⁴⁾). Такую-же мудрость преподаютъ онѣ и дочкамъ: какъ грабить мужей, полу-

1) Стр. 193: *lor pupilli figliuoli*; сх. Iuv. ib. 629: *Vos ego, pupilli, moneo, quibus amplior res est, Custodite animas et nulli credite mensae.*

2) Стр. 193; сх. Iuv. ib. *Ille senis tremulum caput descendere jussit In coelum et longa manantia labra salivam.*

3) Стр. 194; сх. Iuv. ib. 460: *Intolerabilius nihil est quam femina dives.*

4) Сх. Дек. I, 10=пер. I, стр. 65; сх. Iuv. ib. 402: *Haec eadem novit, quid toto flat in orbe; Quid Seres, quid Thraces agant; secreta novercae Et pueri; quis amet, quis diripiatur adulter. Dicit, quis viduam praegnatam fecerit et quo Mense и т. д.*

чать любовныя записочки, притворяться больной¹⁾); откуда только являются у нихъ слезы, по первому требованію, про то Богъ знаетъ! А какъ покорно онѣ выслушивають замѣчанія на счетъ какой-либо прорухи, особенно, если кто увидить ее собственными глазами! Это было не такъ! говорять онѣ тогда, либо: Ты отъявленно лжешь, у тебя въ глазахъ двоится, мозги въ починкѣ, пей меныше; въ умѣ ли ты? Ты бредишь на яву! Если онѣ станутъ утверждать, что видѣли летающаго осла, придется согласиться, чтобы не навлечь на себя смертельной вражды, ибо онѣ надменны, и если кто вздумаетъ принижать ихъ умъ, говорятъ: Развѣ сивиллы не были мудрыми? Точно каждая изъ нихъ считаетъ себя однаждатой сивиллой. Но вотъ что дивно, что въ теченіи столькихъ тысячи лѣтъ нашлось всего десять мудрыхъ женщинъ. Онѣ идутъ и даютъ, утверждая, что все хорошее — женского рода: звѣзды, планеты, музы, добродѣтели²⁾, неблагоразумно отдавая себя подъ защиту Пресвятой Дѣвы и другихъ святыхъ, такихъ же женщинъ, какъ онѣ. Но Пресвятая Дѣва, чистая и полная благости, такъ далека отъ плотскія скверны, что въ сравненіи съ другими, создана почти не изъ природнаго естества, а изъ какой-то пятой стихіи, какъ будущій сосудъ и обитель Сына Божія; святые же восхотѣли подражать ей, пренебрегли свѣтомъ, бѣжали его, презирая земную красоту въ чаяніи небесной. Если бы позволено было обвинить природу, устроительницу всего сущаго³⁾, я сказалъ-бы что она сильно проступила, вселивъ столь великие и мужественные умы въ столь презрѣнныя тѣла, какъ женскія. Потому да умолкнетъ этотъ родъ, порочный и развратный, и да не украшаетъ себя чужими добродѣтелями! Если между ними объявится порой женщина, заслуживающая уваже-

1) Стр. 195; см. Iuv. ib. 289: *Scilicet expectas, ut tradat mater honestos Atque alios mores, quam quos habet?... 281: Illa docet spoliis nudi gaudere mariti; Illa docet missis a corruptore tabellis Nil rude nec simplex rescribere.... tunc corpore sano Advocat Archigenen.*

2) Ovid. A. A. III, 23: *Ipsa quoque et cultu est et nomine femina Virtus.*

3) Стр. 198: *maestra delle cose.*

нія, то ее слѣдуетъ хвалить болѣе, чѣмъ мужчину, потому что ея побѣда была труднѣе; но въ этихъ похвалахъ не было необходимости нашимъ прадѣдамъ, не доживутъ до нихъ и наши потомки: скорѣе лебеди почернѣютъ, вороны станутъ бѣлыми¹⁾), чѣмъ обратятся на правый путь наши женщины, затыкающія уши отъ нравоученій, какъ аспидъ отъ трубнаго звука заклинателя²⁾.

Я не сказалъ тебѣ еще, какъ это отродье жадно, упрямо, строптиво, тщеславно и завистливо, нерадиво, полно гнѣва и сумасбродно — и увѣренъ, что если бы дошли до нихъ мои обличенія, онѣ, вмѣсто того, чтобы познать себя и исправиться, обвинили бы меня въ томъ, что я говорю неправду, ибо при жизни я любилъ, будто-бы, не ихъ, а кое-что другое. Далярѣ-Богъ, чтобы онѣ никогда мнѣ не нравились! Теперь мнѣ было-бы меньше муки.

Но перейду къ твоимъ занятіямъ. Онѣ-то по крайней мѣрѣ, если не собственное сознаніе, должны были-бы пояснить тебѣ, что ты — мужчина, созданный по подобію Божію, совершенійшее животное, назначенное властвовать, не повиноваться. Это объявилось на нашемъ прародителѣ, извѣстно съ древности и теперь еще ведется у всѣхъ народовъ, что мужчинамъ, а не женщинамъ, предоставлена власть и руководство, чѣмъ ясно показывается преимущество первыхъ надъ послѣдними. Самый простой и незначущій человѣкъ, если только онъ не лишенъ здраваго смысла, превосходитъ женщину, считаемую за доблестнѣйшую своего времени, тѣмъ болѣе человѣкъ, выдѣлившійся изъ ремесленной толпы благодаря занятіямъ священными науками³⁾ и философіей. Къ числу таковыхъ принадлежишь и ты: трудомъ и талантомъ, при помощи Божіей, въ которой нѣть отказа достойному, если онъ помолитъ о ней, ты удостоился пріобщиться къ наиболѣшимъ⁴⁾. Почему-же унижаешь ты себя, подчиняясь дрянной

1) Стр. 198; см. Ovid. A. A. 165: *Rara avis in terris nigroque simillima cuscus.*

2) Стр. 199.

3) Стр. 201: *sacri studi.*

4) *Ib. tra'maggiori,*

женщинѣ? Самъ ты знаешь, что тебѣ не подобаетъ посѣщать храмы и общественные мѣста, полныя народа, а жить въ уединеніи, изощряя умъ въ работѣ и поэзіи¹⁾, чтобы стать лучше и по мѣрѣ силъ, болѣе словомъ, чѣмъ дѣломъ, умножить твою славу, конечную цѣль твоихъ стремленій — послѣ надежды на вѣчную жизнь. Въ лѣсахъ и уединеніи тебя никогда не покинутъ касталійскія нимфы, которымъ хотятъ уподобить себя эти порочныя; ихъ красота — небесная, никогда онѣ не пренебрегутъ тобой, не наглумятся, не затѣютъ съ тобою разговора о томъ, какой лень тоныше, изъ Витербо или романьольскій, или что буличница истопила слишкомъ жарко, а у служанки не поднялось тѣсто; онѣ не разскажутъ тебѣ, что дѣлала въ прошлую ночь такая-то сосѣдка, сколько Отче Нашъ прочитала за проповѣдью другая, и надо-или нѣтъ перемѣнить на платье галуны. Онѣ ангельскимъ голосомъ повѣдаютъ тебѣ о томъ, что было отъ начала свѣта и понынѣ, и покоясь съ тобою въ тѣни на травѣ у потока, послѣднихъ волнъ котораго никто не видѣлъ, объяснять тебѣ причины, почему смѣняются времена года, врачаются солнце и луна²⁾; какая тайная сила питаетъ растенія и укрощаетъ дикихъ животныхъ; откуда спускаются къ намъ души, какими ступенями восходятъ къ безконечному божественному благу, и по какимъ стремнинамъ свергаются въ бездны. Затѣмъ, пропѣвъ тебѣ стихи Гомера, Виргилія и другихъ древнихъ поэтовъ, онѣ, коли захочешь, споютъ тебѣ и твои собственные. Такое общество всегда тебѣ открыто, а для кого ты его оставляешь? Праведно поступили-бы онѣ, еслибы изгнали тебя изъ своего прелестнаго сонма, когда, отдавшись животной страсти, не стыдясь, грязный и запятнанный, ты снова возвращаешься къ нимъ. И это такъ и будетъ, если ты не перестанешь, онѣ также умѣютъ негодовать; а какой стыдъ будетъ для тебя, если это случится!

Но знаешь-ли ты, подъ чье иго ты подставилъ свою выю? Я

1) *Ib. versificando.*

2) См. Virg. Georg., I. II, v. 475—8.

разскажу тебе о ней, кичащейся своимъ всевѣденіемъ¹⁾), дабы ты не подумалъ, что она отличается отъ другихъ. Эту женщину, вѣрнѣе дракона, я почти не зналъ, когда по желанію друзей и родныхъ женился на ней по смерти первой жены, которая была гораздо ея сноснѣе. Она была вдова и уже знакома съ искусствомъ обмана. Въ домъ она вошла голубкой, но затѣмъ стала змѣй, и я сознаюсь, что мое излишнее благодушіе было причиной всѣхъ моихъ бѣдъ. Я пытался было обуздать ее, но зло такъ укоренилось, что его пришлось переносить, а не врачевать; и я склонилъ выю, чтобы не подливать масла въ огонь. Она то и дѣлала, что кричала и банилась и била прислугу, и хотя привнесла съ собой незначительное приданое, держала высокомѣрныя рѣчи, точно я изъ крестьянъ²⁾, а она изъ швабскаго дома³⁾, и ея родъ мнѣ не извѣстенъ. Имъ она кичилась⁴⁾, не зная о немъ ничего, развѣ когда, пересчитывая вывѣшенные въ церкви фамильные гербовые щиты, по ихъ количеству и древности судила о своемъ благородствѣ. Но если бы на десять недостойныхъ мужчинъ ея рода, болѣе удачливыхъ своимъ плодородiemъ, чѣмъ доблестью, повѣсить одинъ гербъ, и снять взамѣнъ его одинъ изъ тѣхъ, которымъ отличены были между ними получившия рыцарское званіе (хотя къ нимъ оно шло, какъ сѣдло къ свинѣ), я убѣженъ что рыцарскихъ гербовъ не оказалось бы ни одного, а негодныхъ цѣлья сотни. Невѣжды полагаютъ рыцарское званіе въ платьѣ, подбитомъ бѣличимъ мяномъ, въ мечѣ и позолоченныхъ шпорахъ, которыми могъ бы обзавестись любой ремесленникъ и крестьянинъ, въ кускѣ ткани и какомъ-нибудь гербѣ, который можно было бы повѣсить въ церкви по смерти. Таковы нынѣшніе рыцари; на сколько они далеки отъ настоящихъ, то вѣдаетъ Господь.

1) Corbaccio, стр. 203: uno gran salmista.

2) Стр. 204: da Capalle.

3) Сл. Div. Comm. Par. III, стр. 119.

4) Сл. Inv. I. с. 166 слѣд.: *Quis feret uxorem, cui constant omnia? malo—Malo Venusinam, quam te, Cornelia mater Gracchorum, si cum magnis virtutibus affers Grande supercilium et numeras in dote triumphos и т. д.*

Такъ величалась она и кичилась, а я, сложивъ по трусости оружіе, ожидалъ, что она опомнится, пока не увидѣлъ, что принесъ къ себѣ не миръ и покой, а распрю и пламя и недолю. Я началъ избѣгать своего дома и возвращался въ него къ ночи, какъ въ тюрьму. Ставъ хозяйствой, она во всемъ завела свои порядки: носила платья, какія ей хотѣлось, не тѣ, какія я ей дѣлалъ, провѣряла счеты моихъ доходовъ, распоряжаясь деньгами по своему усмотрѣнію и уличая меня въ недовѣріи, если я медлилъ передать ей что-либо оставшееся у меня на рукахъ. Такъ она добилась своего, слагая оружіе лишь послѣ побѣды, тогда какъ я, по неразумію своему обнаруживалъ все болѣшую слабость, желая избѣгнуть непріятностей; за эту-то слабость я и горю теперь въ этой огнен-ной одеждѣ. Теперь-то она и начала проявлять всѣ тѣ доблести, о которыхъ такъ торжественно докладывалъ тебѣ твой другъ. Минѣ онѣ хорошо извѣстны. Нѣть въ нашемъ городѣ женщины суетнѣе ея. Вообразила она себѣ, что особая красота женщины въ полныхъ, румяныхъ щекахъ и развитыхъ, выпяченныхъ ягодицахъ; это, слышно, нравится въ Александрии. И она добилась того: пока я постился, въ видахъ сбереженія, она питалась кап-лунами, макаронами съ пармезаномъ, которая пожирала, какъ свинья, не съ блюда, а въ мискѣ, словно недавно вышла изъ «Голодной башни»¹⁾. Ей требовались молочные телята, сѣрыя куропатки, фазаны, жирные дрозды, голуби, ломбардскія похлебки, макароны съ начинкой, олады съ бузиной, крупичатые торты и рагу, которые она глотала, какъ крестьянинъ фиги, черешни или дыни, когда онъ до нихъ доберется. Кислаго и ёдкаго, что сушить тѣло, она избѣгала, какъ врага, за-то знала толкъ въ хорошихъ винахъ и попивала усердно, въ чемъ ты самъ могъ бы убѣдиться, пока я былъ въ живыхъ, еслибы обратилъ вниманіе на ея щеки и болтливость. Не знаю, похудѣла-ли она съ поста, который наложила на себя въ мое спасеніе; еслибы даже она держала его при тебѣ и мнѣ пришлось въ томъ росписаться, я все-же не повѣрилъ бы тому.

1) Стр. 207; сл. Inf. XXXIII, 22—8.

При этихъ словахъ, не смотря на печальное настроение духа и раскаяніе, я не могъ удержаться отъ смѣха. А духъ продолжалъ, не смущаясь: И вотъ твоя дама, настоящая чертова прелестница, не удовольствовалась тѣмъ, чтобы стать плотиѣ, а пожелала, чтобы тѣло у нея было нѣжное и блестящее. Стала она готовить разныя притиранія, перегонять воду; понадобилась ей кровь разныхъ животныхъ, всякия травы; мой домъ наполнился горнами, кубами, горшечками, склянками; не было во Флоренціи аптекаря, огородника или булочника, который бы не работалъ на нес. Всѣмъ этимъ она притиралась и красилась такъ, что когда мнѣ случалось поцѣловать ее, я увязалъ губами¹⁾. Ты не повѣришь, какими сортами золы она мыла свою златокудрую головку и съ какимъ торжествомъ совершалось хожденіе въ баню, изъ которой она приходила болѣе испачканной, чѣмъ отправляясь туда. При ней всегда были двѣ или три женщины изъ тѣхъ, которыхъ ходятъ лощить стекломъ кожу дамъ на лицѣ и шеѣ, вырывая ненужные волоски, а съ этимъ полезнымъ ремесломъ соединяютъ и другое: посредницъ любви. Но мнѣ не хватило бы недѣли, еслибы я хотѣлъ разсказать, какъ пріобрѣталась и охранялась эта искусственная красота, скорѣе безобразіе. Всего то она боялась: солнца и воздуха, пыли и вѣтра; муха, сѣвшая на лицо, была для нея такимъ несчастіемъ, что въ сравненіи съ нимъ потеря Акры христіанами показалась бы пустякомъ²⁾. Случилось однажды, что муха пристала къ ней, а она только что притерлась какимъ-то новымъ зельемъ; какъ она ни отгоняла ее, та назойливо возвращалась; тогда схвативъ метлу, она стала метаться за ней по всему дому, и не попадись она ей подъ руку, я увѣренъ, она лопнула бы отъ злости. Какъ ты думаешь: если бы о ту пору ей попался какой-нибудь щитъ или золоченый мечъ ея родичей-рыцарей, вѣдь она навѣрно вступила бы съ мухой въ бой? Ночью жужжаніе комара

1) Стр. 209; сл. Iuv. I. c. 463: *hinc miseri viscantur labra mariti.*

2) Стр. 210; сл. Inf. XXVII, 89.

приводило ее въ неистовство, весь домъ поднимался на ноги, и она не ранѣе успокаивалась, какъ когда ей подносили преступника, осмѣливавшагося досаждать ей и грозившаго испортить ея прелестное лицо. Но всего потѣшиѣ было видѣть, какъ она убирала себѣ голову. Когда она была помоложе (ближе къ сорока, чѣмъ къ тридцати годамъ, хотя, будучи дурной счетчицей, она давала себѣ двадцать восемь лѣтъ), она всегда запасалась, въ какую-бы то ни было пору года, зеленью и цвѣтами шести сортовъ, изъ которыхъ плела гирлянды. Вставъ спозаранку, омывъ своими снадобьями лицо и шею, она садилась у зеркала или и у двухъ, чтобы видѣть себя со всѣхъ сторонъ, какое зеркало ей болѣе польстить. Окруженная склянками и всячими зельями, она приказывала причесать себя, на волосы клала какую-то повязку изъ пеньки, которую зовутъ косами; пришипливъ её тонкой шелковой сѣткой, она начинала накальывать цвѣты, убирая голову, словно павлинный хвостъ, и все смотрясь въ зеркало. Съ годами, когда въ волосахъ показалась сѣдина, хотя ее ежедневно удаляли, вмѣсто зелени и цвѣтовъ явились шпильки и вуали. И здѣсь та-же возня¹⁾: Эта вуаль слишкомъ мало поджеглили, говорить она служанкѣ, эта вуаль слишкомъ свѣсился; тотъ спустя, этотъ подтяни на лбу; переколи пониже шпильку да возьми стеклышико и соскобли волосокъ подъ лѣвымъ ухомъ. Случалось, что служанка не угождала, и она гнала ее, разражаясь бранью: Пойди прочь, тебѣ бы только кострюли чистить! Позови ко мнѣ такую-то. И работа начиналась снова; затѣмъ, помусливъ палецъ, она, точно кошка лапкой, принималась приглаживать тотъ или другой волосокъ, и не только глядѣлась въ зеркало, но приказывала и служанкѣ оглядѣть себя, все-ли у нея въ порядкѣ, точно дѣло шло о ея чести²⁾, а когда выходила къ поджидавшимъ ее подругамъ, бесѣда шла о томъ-же.

1) Сл. стр. 212 слѣд. и Iuv. I. c. 490: Disponit crinem laceratis ipsa capillis.... Psacas infelix.

2) Стр. 213: non altrimenti che se la sua fama o la sua vita da quel dipendesse; сл. Iuv. I. c. 500: tamquam famae discrimen agatur, Aut animae.

Я хорошо знаю, что все это не новость, вѣдь другія женщины дѣлаютъ то-же самое; тѣмъ скорѣе ты поймешь, что изъ всего этого выходило. Когда ее спрашивали, для кого она такъ рядится, она отвѣчала, что для меня, чтобы мнѣ понравиться, а я будто волочусь за служанками и пропащими женщинами. Она отъявленно лгала, а я такъ не разъ замѣчалъ, какъ она бодрилась, словно соколь, съ котораго сняли клубочекъ¹⁾, когда проходилъ какой-нибудь молодой человѣкъ; а въ какомъ она бывала восторгѣ, когда ее хвалили, и какъ готова была убить своими собственными руками того, кто отзывался о ней нелестно! Такою-то суетностью и прелестями и откровенностью взглядовъ и словъ²⁾, не приличныхъ порядочной женщинѣ, она привлекала къ себѣ любовниковъ, изъ которыхъ многіе добились пѣли, не утоливъ ея пламени. Я не пускаюсь въ подробности, это было-бы плохимъ средствомъ къ твоему уврачеванію, ибо я знаю, что мужчины, желающіе сближенія съ женщиной, тѣмъ сильнѣе пылаютъ, чѣмъ страстиѣ она оказывается. Скажу только, что живъ еще пѣкій рыцарь, когда-то болѣе храбрый, чѣмъ удачливый, которому она отдалась еще при моей жизни, чтѣ я подозрѣвалъ, а теперь знаю. Здѣсь она проявила свою щедрость, о которой говорилъ твой другъ, одаряя его не своимъ, а моимъ добромъ, когда вещами, когда деньгами. Быль у меня еще сѣдѣ, котораго я болѣе любилъ, чѣмъ онъ соблюдалъ мою честь; ему и еще одному своему родственнику она также не отказалася въ своихъ объятіяхъ.

Мнѣ надо было бы по порядку разсказать о любезности, услужливости³⁾, которая, по ея словамъ, такъ ей по сердцу. Разумѣется, по сердцу: пока она была молода, она никогда не отказывала въ услугахъ, и теперь ожидаетъ, что и ей не будетъ отказа. Дивлюсь я, какъ тебя она обошла; должно быть, Богъ тебя

1) Стр. 213; сл. Par. XIX, 34—5.

2) Стр. 214: parlante.

3) Стр. 216: cortesia.

хранить. Нравятся ей еще мудрые люди; она, въ самомъ дѣлѣ, мудрѣйшая; но тебѣ известно, что мудрость бываетъ разная. Однихъ славятъ за то, что они отлично понимаютъ священное писаніе и умѣютъ истолковать его, другіе, съѣдущіе въ законахъ, даютъ полезные совѣты; иные, испытанные въ дѣлахъ правленія, знаютъ чего избѣгать, чemu слѣдоватъ; многихъ считаютъ умными, потому что они хорошо ведутъ торговлю, занимаются ремесломъ, домашними дѣлами. Но есть еще родъ мудрыхъ людей, о которыхъ ты еще не слышалъ въ школѣ между философами. Какъ послѣдователи Сократа и Платона носятъ ихъ имена, такъ есть еще одна секта, принявшая имя нѣкой достойной женщины, о которой ты, чай, не разъ слыхалъ: мадонны Чангеллы¹⁾). По ея предложенію, послѣ долгаго и серьезнаго спора на соборѣ женщинъ положено было за правило: всѣхъ женщинъ, обладающихъ смѣлостью и отважностью и умѣньемъ отдаваться сколькимъ бы мужчинамъ имъ ни пожелалось — считать мудрыми, всѣхъ же другихъ за сопливыхъ дурь. Въ этой-то мудрости она превзошла всякую сивиллу, и не разъ говорили, ужъ не ей-ли достоинъ занять мѣсто покойной Чангеллы и ея наследницы, монны Діаны. Ты, стало быть, ошибся, иначе понявъ ея мудрость и требованіе ею — мужества. Ей нужны не бранные подвиги и не пролитіе крови, а другое; любой сарацинъ съ площади²⁾ будетъ ей Ланцелотомъ, Тристаномъ, Оливьеромъ³⁾, коли знаетъ свое дѣло; если годы не отняли у тебя прежней силы, тебѣ нечего было отчаяваться — въ заблужденіи, что отъ тебя ожидаютъ храбрости Амарольда Ирландскаго⁴⁾.

Она говорить, что любить людей благородныхъ; въ благородствѣ она ничего не смыслить, и если сказала такъ, то лишь затѣмъ, чтобы и тебѣ показаться дамой древняго рода, ибо она считаетъ

1) Стр. 218; съ. Par. XV, 128 и выше т. I, стр. 71—2.

2) Iuv. VI, 110: Sed gladiator erat: facit hoc illos Hyacinthos.

3) Извѣстный герой Карловингскаго эпоса.

4) Герой романа о Тристанѣ.

свой родъ старше королевскаго баварскаго или французскаго. Что она благородна и — дама, этого она никогда не докажетъ, а что она древняя — въ этомъ вскорѣ убѣдить ея лицо. Пишеть она тебѣ¹⁾, что любитъ людей, умѣющихъ красно говорить; вѣрю то, что она безконечно болтлива и одна своей болтовней помогла бы лунѣ въ еи превращеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ тазы древнихъ²⁾. То она хвастается въ кругу женщинъ: моя родня, мои предки! и млѣть отъ восторга, когда ее слушаютъ или титулюютъ. Ей извѣстно, что творится во Франціи, что приказалъ англійскій король, будешь-ли въ Сициліи урожай, привезуть-ли генуэзцы или венеціянцы пряности съ востока, спала-ли прошлую ночь королева Джьования съ мужемъ и чтѣ затѣваются у себя флорентійцы³⁾, — хотя разузнать объ этомъ ей было-бы не трудно, стоило только повидаться съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ правителей, они держать тайну такъ-же, какъ корзина или рѣшето воду. Если правду говорять естествовѣды⁴⁾, что у животнаго тотъ членъ вкуснѣе, который наиболѣе упражняется, у нея всего вкуснѣе языкъ; и во снѣ онъ болтаетъ. Кто, не зная ея, послушалъ-бы, что она говорить о себѣ, счелъ бы ее за святую, высокородную; знающаго оно тошнитъ. А попробуй-ка не повѣрить ея рассказамъ, она готова подраться, ибо мнить себя храбрѣ Галеотто съ Дальнихъ острововъ, либо Фебуса: не разъ она говорила, что, будь она мужчиной, то превзошла-бы не только Марка красавца, но и Герардина, бывшаго съ медвѣдицей⁵⁾.

1) Corbaccio, стр. 220. Выше обѣ этомъ не было рѣчи, с. стр. 19.

2) Сл. выше т. I, стр. 500 и прим. 1. Сл. Iuv. I. с. 442: *Jam nemo tubas, nemo aera fatiget, Una laboranti poterit succurrere lunaæ.*

3) Сл. сходныя подробности выше, стр. 25.

4) Corbaccio, стр. 221: *fisici.*

5) О Галеотто, Galleot, дѣйствующемъ лицѣ въ романѣ о Ланцелотѣ, сл. выше т. I, стр. 539; Фебусъ относить насъ къ французскому роману о Guiron, переведенному въ XIV вѣкѣ итальянской прозой, тогда какъ одинъ изъ его эпизодовъ былъ пересказанъ въ стихахъ (*Febusso e Breusso*, поэма *ora per la prima volta pubblicato*. Firenze, Piatti, 1847. Сл. Novati въ Romania XIX, стр. 186 слѣд.). — Герардино и *Marco bello* — герой полународной поэмѣтто XIV вѣка,

Но перейду къ нѣкоторымъ сокровеннымъ предметамъ, которыхъ ты не могъ вѣдать, да и я быль бы счастливъ, еслибъ ихъ не позналъ. Сначала устранию твое сомнѣніе: ты скажешь, что неслѣдъ говорить о подобныхъ вещахъ, что онѣ и не приличны въ устахъ такого человѣка, какъ я, направившаго свои стопы къ вѣчной славѣ. На это я тебѣ отвѣчу: не всякому недугу разумный врачъ полагаетъ ароматическое средство, иная болѣзнь требуетъ и вонючаго. Таковыи недугомъ является твоя страсть; крѣпкое, грязное слово дѣйствуетъ здѣсь быстрѣе, чѣмъ дружественныя и пристойныя убѣжденія. Времени у насъ немнога, а твое неупорядоченное желаніе¹⁾ требуетъ скораго врачеванія. Выслушай-ка терпѣливо, не обвиняя медика. Ты и многіе другіе любовались на цвѣтъ ея лица, похожій на утреннюю розу, и принимали его за естественный. Посмотрѣлъ бы ты на нее утромъ, когда она встаетъ съ постели, съ лицомъ зелено-желтымъ, прыщавая, точно птица въ мытияхъ, морщинистая и облѣзлая; какъ, сидя на корточкахъ, она грѣется у огня, валившись на голову чепецъ, съ шарфомъ на шеѣ, въ тепломъ капотѣ, и кашляетъ и отлевываетъ шлепки, вытаращивъ глаза съ синеватыми подтеками. Ты говоришь, что при видѣ ея красоты страсть забирала тебя, какъ огонь маслянистые предметы²⁾; тогда она показалась бы тебѣ грудой грязи или навоза, и ты обратился бы въ бѣгство³⁾. Но ты знаешь, что и задымленную стѣну и лицо можно выбѣлить, и что тѣсто поднимается, если его бьютъ⁴⁾. Такъ и ея красота — искусственная: и стройный станъ, и грудь и все другое — не то, чѣмъ тебѣ кажется. Всѣ вы принимаете кукушку за ястреба⁵⁾, такъ и ты, хотя тебѣ, болѣе,

въ стилѣ Пуччи, которому она и была приписана. Сл. *Cantare del Bel Gherardino* (Bologna, 1867, Scelta di curiosit letterarie № 79.

1) *Corbaccio*, стр. 223: disordinato appetito. Сл. poco regolato appetito въ Декамеронѣ, Введеніе = пер. I, стр. 1.

2) Сл. выше стр. 19, прим. 1.

3) *Corbaccio*, стр. 225.

4) Стр. 224.

5) Стр. 228: le gatte in sacco andate comperando.

чёмъ другимъ, подобало бы внимать истинѣ, не тому, что кажется¹⁾.

Что касается до отчаянія, въ которое ты впалъ вчера по твоему неразумію, то я начну разсказъ нѣсколько издалека: и тебѣ будетъ оттого польза, да и я облегчу хоть немного свое негодованіе. До того довела меня эта мерзкая женщина, что отъ печали, которую я таилъ, кровь воспалилась и, внезапно наполнивъ сердце, была причиной мгновенной смерти. Какъ только душа моя отрѣшилась отъ бренного тѣла, я позналъ, что то была за женщина; она-же, несказанно довольная, тайкомъ припрятала многое изъ моихъ вещей и деньги, наслѣдье моихъ дѣтей, которыя я безразсудно ей вѣрилъ, а на людяхъ проливала притворныя слезы, громко сѣтуя и проклиная судьбу и объявляя о своемъ намѣреніи—поселиться въ какой-нибудь келейкѣ при церкви или монастырѣ и здѣсь проводить время въ молитвѣ. Она такъ ловко притворялась, что всѣ ей повѣрили; и она устроилась по близости того монастыря, гдѣ ты ее видѣлъ, ибо здѣсь она была не на виду, и ей легче было отдаваться своимъ желаніямъ, потому что, еслибъ не достало другихъ любовниковъ, монахи всегда на лицо: они люди святые и сострадательны къ вдовамъ. И вотъ она выходила въ церковь, съ чернымъ покрываломъ на лицѣ, спущеннымъ глубоко на глаза, точно собралась строить буку; то откинетъ его, то запахнетъ, то выставить руку, на черномъ она выходитъ еще красивѣе. Такъ она охотится на молодыхъ людей, не довольствуясь однообразной пищей; такъ и ты попался въ ея сѣти. Безконечно перебирая четки, она и не помышляетъ о молитвахъ; ей не до того: надо перекинуться словомъ съ сосѣдкой, той шепнуть, эту выслушать. Ты скажешь, что все это она возмѣщаетъ въ своей кельѣ, но за меня она не молится, это я ощутилъ бы, молитва за усопшихъ утишила бы мои жгучія страданія, какъ холодная вода ожеги; можетъ быть, она молилась за другого: недавно у васъ умеръ нѣкто, и это такъ

1) Opinion I. c.

ее опечалило, что цѣлую недѣлю она не прикасалась къ яицамъ и макаронамъ. Ея обычныя молитвы — французскіе романы и латинскія пѣсни, пѣсня о «Загадкѣ» (*Indovinello*)¹⁾ и повѣсть о Флоріо и Бьянчифьоре; она мѣтеть, читая о любовныхъ свиданіяхъ Ланцелота и Тристана съ ихъ милыми, а въ промежуткѣ забавляется, точно дѣвочка, съ ручными звѣрьками. Въ числѣ многихъ ея пріятелей состоять и упомянутый мною второй Авессаломъ, которымъ она не особенно довольна; пошелъ онъ на это дѣло, презрѣвъ то, что сдѣлалъ для него Господь, хотя и многія другія законныя причины должны были бы воздержать его. Онъ за это и поплатится: есть у него сынъ, такой-же ему родной, какъ Христосъ Іосифу, тотъ за меня отомстить; не миновать ему, что говорится въ пословицѣ: какъ оселъ лягнетъ въ стѣну, такъ и ему отдастся²⁾, кто оретъ въ чужомъ полѣ, вызываетъ на то-же.

Таковы то похвальные нравы той женщины, и нечего было тебѣ такъ принимать къ сердцу обиду. Но расскажу тебѣ, какъ и что я узналъ о твоемъ письмѣ. До насъ доходить вѣсти съ того свѣта, и намъ бываетъ порой дозволено являться сюда. Случилось, что въ ночь того дня, когда ты писалъ ей, явился и я, влекомый какимъ то чувствомъ состраданія, побуждающимъ насъ любить не только друзей, но и недруговъ. Я вошелъ въ ея спальню, и все осмотрѣвъ, уже хотѣлъ было удалиться, когда при свѣтѣ лампады, теплившейся передъ ликомъ Мадонны, увидѣлъ ее на ложѣ, и не одну. Они чему-то смѣялись; не прошло много времени, какъ она поднялась по просьбѣ своего милаго, зажгла свѣточъ, и доставъ изъ сундука твое письмо, вернулась. Стали они читать, и я слышалъ, какъ они глумились, поминая

1) Сл. Cian, Motti di Pietro Bembo 45; Giorn Stor. d. lett. ital. XIII, 448 прим.; Zambrini, Op. Volg. 694; Poesie giocose inedite o rare pubbl. per cura del dott. Adolfo Mabellini (Firenze, 1884, стр. 33—42). *Indovinello* — популярная пѣсня въ октавахъ о купеческой дочери, уѣжавшей отъ брачной ночи, чтобы не забеременить. Что разумѣется подъ латинскими пѣснями, *canzoni latine* (стр. 238)? Вероятно любовныя, въ стилѣ голіардовъ.

2) Стр. 234: quale asino dà in parete, tale riceve. Сл. Дек. V, 10: quale asino dà in parete, tal riceva = пер. I, стр. 415.

твое имя: и простакъ-то, и дубина; должно быть, писалъ въ пропонкахъ, принялъ одно за другое; а какъ ты думаешь: хватило-ли бы его? А еще считаетъ себя умнымъ! Чѣмъ бѣгать за благородными дамами, лучше-бы пошелъ полоть свои луковицы¹⁾. Палки ему нужно, отхлестать бы его по щекамъ телячимъ желудкомъ, пока хватило-бы того и другаго! Досталось тамъ и твоимъ дорогимъ музамъ, Аристотелю и Туллію, Виргилю и Титу Ливію, которыхъ ты считаешь своими друзьями и ближними. Ихъ смѣшивали съ грязью, на счетъ ихъ кичились и насмѣхались, должно быть, поѣли они и выпили въ излишествѣ. Тутъ они условились и на счетъ отвѣта тебѣ, и еслибъ не опасенія любовника, боявшагося ея тщеславія и вѣтренності, ты получилъ бы и еще нѣсколько посланій. Что-бы сказалъ ты, если бы все это самъ услышалъ? Навѣрно бы повѣсился! Но еслибъ ты былъ вѣдомъ умѣ, не говоря уже о томъ, что могла раскрыть тебѣ твоя наука, тебѣ слѣдовало бы посмѣяться, ибо твоя милая ничѣмъ не разнится отъ женщинъ вообще. Самъ ты не разъ говорилъ, что имъ въ высшей степени нравится, когда ихъ считаютъ красивыми, и что болѣе, чѣмъ на зеркало, онѣ полагаются на число ухаживателей²⁾. Вотъ почему и ей были пріятны твои взгляды, и она показывала на тебя: она, стало быть, еще можетъ нравиться, если увлекся ею ты, извѣстный знатокъ женскихъ формъ³⁾. Иной объяснить это пожалуй иначе: она исправилась, обратилась на правый путь, а ты приставалъ къ ней; она и показывала на тебя: Посмотрите-ка на врага Божія, не даетъ мнѣ спастись! Можетъ быть, дѣлала она это не съ той и не съ другой цѣлью, а просто, чтобы пошутить и поболтать. Какая-бы тому ни была причина, ты долженъ

1) Знаменитыя Черталльдскія луковицы новеллы о *fra Cipolla* (Дек. VI, 10), вспомнившіяся какому-то читателю Петраркова экземпляра Плінія при перечинѣ разныхъ сортовъ луковицъ: *nondum Certaldenses erant. Съ. De Nolhac, Petrarque et l'humanisme*, стр. 279, прим. 3.

2) Съ. Дек. VIII, 7 = пер. II, стр. 138.

3) *Corbaccio*, стр. 238.

быть знать, что нѣтъ женщины разумной, что всѣ онѣ жестоки, низки и ужасны.

Но оставимъ это; допустимъ, что все, что твой другъ рассказывалъ о ея доблестяхъ, вѣрно; вѣдь эти добродѣтели были несовмѣстны съ твоимъ посланіемъ, ты долженъ былъ понимать это, и если увлекся, то, очевидно, не ими, а ея красотой. И ты не разглядѣль, что она стара и противна, и готовъ быть умереть! Неужели ты считаешь себя ни во что, такъ малодушенъ, неотесанъ, худороденъ? ¹⁾). Ты надѣялся овладѣть ея дряблыми прелестями, но если бы ты зналъ, что это такое, твое желаніе было бы менѣе страшно. Коли ты разсчитывалъ разжиться отъ нея, то ошибся: она была щедра моимъ добромъ, а теперь ей приходится жаться. Годовъ тебѣ она не могла бы ни прибавить, ни убавить, ни научить, развѣ дурному, ни доставить блаженства, ибо ей знакомо лишь блаженство плоти, чѣмъ она сама себя осудила на вѣчныя муки. Можеть быть, она могла сдѣлать тебя пріоромъ, чего теперь у вастъ такъ добиваются; но я знаю, что сенаторы вашего Капитолія не склоняютъ нынѣ слуха къ хищнымъ высокороднымъ волкамъ, отъ которыхъ и она произошла ²⁾), для этого надо было-бы, чтобы она такъ же приглянулась всѣмъ избирателямъ, какъ приглянулась тебѣ; но едва-ли такие безумцы найдутся. А сколько именитыхъ, благородныхъ мужей я могъ бы назвать, имена которыхъ ты припомнишь теперь къ своему вреду, когда могъ бы вспомнить о нихъ съ пользой для себя! Тебѣ стоило только захотѣть, и ты былъ бы имъ дорогъ, но вслѣдствіе излишней и непохвальной гордости ³⁾ ты не сходишься съ ними, а если съ кѣмъ сойдешься, не выносишь, если онъ не потворствуетъ твоимъ нравамъ и не потакаетъ, тогда какъ все это подобало бы дѣлать тебѣ. Они могли бы возвысить тебя, она лишь принизить, а ты склонился передъ нею, ветхой, задыхающейся старухой, кото-

1) Стр. 240: Part' egli cosl essere da nulla? se' tu cosl pusillanimo, cosl scaduto, cosl nelle fitte rimaso, cosl scoppiato di cerro o di grotta?

2) Стр. 241.

3) Стр. 242 :degnو.

рой слѣдовало-бы не показываться въ людяхъ, а сторожить золу въ комелькѣ¹⁾). Не говоря о томъ, что по милости Божіей ты пріобрѣлъ своими занятіями, а лишь о томъ, чѣмъ одарила тебя природа, тебѣ надо было-бы стыдиться — а вѣдь ты гордъ²⁾ — что тебя, какъ коршуна, подманила падаль. Природа оказала тебѣ благодѣяніе, сотворивъ тебя мужчиной; я уже объяснилъ тебѣ, на сколько онъ выше женщины. Если она показалась тебѣ высокой и стройной и красивой, то вѣдь и ты не малаго роста, не хуже ея сложенъ и среди мужчинъ не менѣе красивъ, чѣмъ она между женщинами, хотя она притирается, тогда какъ ты рѣдко, если когда-нибудь, моешься простой водой; я скажу даже, что ты красивѣе ея, хотя и не занимаешься собой, чтѣ мужчинѣ и неприлично; одно только, борода у тебя сильно посѣдѣла и побѣлѣла виски, а у нея нѣть, хотя она и гораздо старше тебя. И все-же ей бы подобало скорѣе искать твоей любви, не тебѣ ея добиваться. Одно, по твоему мнѣнію, за ней преимущество: что она благородна; но изъ-за этого она не отринула-бы тебя: что такое ея Авессаломъ? Ты заблуждаешься³⁾, если держишься народнаго мнѣнія о благородствѣ. Неужто ты не знаешь, чтѣ истинное благородство и чтѣ ложное? Нѣть мальчика въ философскихъ школахъ, который бы не зналъ, что по отцу и матери мы всѣ равны, созданы однимъ Творцомъ, одарены свободной волей, и что, кто поступалъ добродѣтельно, того звали благороднымъ, кто же отдавался порокамъ, то наоборотъ. Каково-же благородство ея родичей и предковъ? Родъ ихъ былъ многочисленный, ибо они плодились — но это даръ природы, не доблѣсть; сильные числомъ, они разбогатѣли разбоемъ и грабежемъ и, возмнивъ о себѣ, осмѣлились возложить на себя рыцарское званіе, подобно благороднымъ. А что достойнаго и похвального совершили они для государства или для част-

1) Стр. 242; сл. Дек. V, 10 = пер. I, стр 410.

2) Стр. 242.

3) Стр. 244: rificchi.... gli occhi della mente: Purg. XV, 64—5.

ныхъ людей? А еслибъ кто и совершилъ, то причемъ тутъ она? Благородство вѣдь нельзя передать въ наслѣдье; у тебя его больше, хотя и нѣть фамильныхъ гербовъ, но любя ее, ты запятнанъ бы его, еслибъ даже за тобой стоялъ весь родъ короля Банда Бенуакскаго¹⁾.

Духъ умолкъ, выжидая моего отвѣта. Я слушалъ его все время, опустивъ голову, какъ человѣкъ, сознающій свой проступокъ. Благодатный духъ, началъ я, ты научилъ меня, чтѣ прилично моему возрасту и занятіямъ, раскрылъ низость той, кото- рую я избралъ дамой своего сердца²⁾, показалъ, на сколько мужчина по природѣ благороднѣе женщины, и что такое — я. Самъ я стала совсѣмъ другимъ, но тѣмъ яснѣе представляется мнѣ моя грѣховность; это убеть меня, и хотя велико милосердіе Той, которая послала тебя въ мое спасеніе, я отчаяваюсь въ немъ. — Не бойся, отвѣчалъ онъ, божественная благость прощаетъ и тяжелые грѣхи, если въ нихъ принесено истинное раскаяніе. — Господь знаѣтъ, что я раскаялся; но что мнѣ дѣлать? наставь меня. — Ты долженъ возненавидѣть, что любилъ, возненавидѣть ея красоту и полюбить благо твоей души. Затѣмъ ты долженъ отомстить ей. Ты знаешь, что ученые такъ умѣютъ возвеличить, хотя бы и не заслуженно и должно³⁾, тѣхъ, кого захотятъ прославить, что кто бы ни послушалъ ихъ, повѣрить, что тѣ люди по своимъ заслугамъ и доблестямъ превыше неба; наоборотъ: того, кто возбудить вашъ гнѣвъ, будь онъ добродѣтель и полонъ достоинствъ, вы низвергаете въ глубину ада рѣчами, внушающими довѣrie. Ты хотѣлъ ее возвысить; умали ее; ты скажешь правду и, можетъ быть, это будетъ ей во спасеніе. — Если Господь сподобить меня выйти изъ этого лабиринта, я постараюся удовлетворить тебя; мнѣ не надо будеть особыхъ побужденій, чтобы облегчить душу, никому другому я не предо-

1) *Ban de Benoic* въ романѣ о Тристанѣ.

2) Corbaccio, str. 246: donna della mia mente.

3) Стр. 248: mentendo.

ставлю отмстить за оскорблениe, лишь-бы мнѣ хватило жизни написать о ней въ стихахъ или прозѣ; а настоящую месть, которую люди видятъ въ одномъ лишь оружіи, я предоставлю Богу. Я ей покажу, что не надъ всѣми мужчинами можно глумиться одинаково, и разскажу о ней такое, что она еще посѣтуетъ, зачѣмъ я попался ей на глаза, какъ я скорблю, что ее увидѣлъ¹⁾). Лишь бы не измѣнилось у меня настроеніе, а то у насть въ городѣ долго будутъ пѣть про ея низости и гадости, и я потщусь сохранить это для будущаго въ болѣе долговѣчныхъ стихахъ.

Онъ молчалъ, и я началъ снова: Скажи мнѣ на милость: почему на тебя, а не на кого другого, выпала доля явиться сюда на мое спасеніе? Я не помню, чтобы на томъ свѣтѣ мы вели съ тобой любовь или дружбу.—Здѣсь нѣть ни друзей, ни родныхъ, отвѣчалъ онъ, всѣ мы горимъ любовью²⁾, всякий изъ нась былъ бы на это готовъ и годнѣе меня; если выбрали меня, то потому, что та женщина была мою, меня ты долженъ былъ устыдиться болѣе, чѣмъ всякаго другого, да и всякий устыдился бы разскказать, что рассказалъ я; потому, наконецъ, что мнѣ ты повѣрилъ бы, какъ человѣку, который былъ въ состояніи все знать.—Какія бы тому не были причины, я тебѣ вѣрю и благодаренъ; но скажи мнѣ во имя того успокоенія, котораго ты чаешь³⁾, чѣмъ мнѣ воздать тебѣ, что сдѣлать для облегченія твоей муки?—Моя негодная жена забыла меня, у нея другія заботы, дѣти слишкомъ малы, родные лучше бы заботились о другомъ, чѣмъ объ обираніи опекаемыхъ. Подай по мою душу милостыню и вели отслужить обѣдню. Но часъ твоего освобожденія приблизился; посмотрі на востокъ!

Надъ горами показался свѣтъ, будто передъ восходомъ солнца, лучъ пробился до насть, какъ бываетъ, когда солнце проглянетъ изъ-за тучъ, намѣчая на земль свѣтлую стезю. Чувство

1) Стр. 250: disidero d'esser digiuno d'avere veduta lei.

2) I. c. Di carit  ardiamo = Purg. XV, 57.

3) Стр. 251: per quella pace che per te ardendo s'aspetta; сл. Purg. III, 74—6.

раскаянія, сознаніе грѣха овладѣло мною сильнѣе, точно какая-то тяжесть свалилась съ плечь, и я ощутилъ себя легкимъ и проворнымъ. Ступай по этой стезѣ, сказалъ мнѣ духъ, да не сбивайся, иначе ты запутаешься въ кустарникѣ, и неизвѣстно, удалось-ли бы тебѣ снова дождаться помощи.—Онъ направилъ шаги къ высокимъ горамъ, увлекая меня за собою не безъ большого усиленія. На вершинахъ мнѣ открылось чистое, свѣтлое небо, воздухъ былъ мягкий, все зеленѣло и цвѣло, такъ что я забылъ объ испытанныхъ невзгодахъ; оглянувшись назадъ, я увидѣлъ не долину, а что-то глубокое, спускавшееся до преисподней, полное ночного мрака и сѣтованій. Ты свободенъ, сказалъ мнѣ духъ,—и такова была моя радость, что я хотѣлъ броситься на колѣни передъ моимъ благодѣтелемъ—и проснулся, въ поту, точно въ самомъ дѣлѣ совершилъ восхожденіе. Я сталъ размышлять о видѣніи и почель его правдивымъ, а о чемъ дотолѣ не зналъ, то подтвердили впослѣдствіи разспросы.—Солнце уже поднялось, когда, отправившись къ друзьямъ, съ которыми привыкъ отводить душу, я рассказалъ имъ мой сонъ; точно вдохновленный Богомъ, я рѣшился выйти изъ плачевной долины, и не прошло нѣсколько дней, какъ я снова располагалъ собою, какъ, было, прежде. А ее я еще накажу моимъ писаніемъ: перестанеть она показывать своимъ любовникамъ письма и будеть поминать меня съ печалью и стыдомъ!

Но надо дать отдохнуть рукѣ; ты кончена, малая моя книжка, будь полезна, особенно молодымъ людямъ, а негоднымъ женщинамъ не показывайся на глаза, ни той, которая вызвала тебя. Отъ нея тебѣ будетъ худой привѣтъ, да она стоитъ и болѣшей кары, чѣмъ та, которую ты несешь съ собой. Она и дождется ея вскорѣ, по попущенію Господа, подателя всякихъ милостей¹⁾.

1) Сл. пересказъ Corbaccio у: С., Изъ міра пѣсенъ и любви. Тріумфи женщины. Овидій, Данте, Петрарка и Боккаччо (Спб. 1893), стр. 500 слѣд.